

УДК 316.37

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ© **Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Обсуждаются природа, возможности и границы человеческой коммуникации с опорой на философский метод позднего Л. Витгенштейна. Осуществляется критический анализ классической модели коммуникации, в которой язык постигается как средство передачи информации или резервуар для хранения значимого содержания. Опровергаются основные допущения классической концепции коммуникации, объясняющие условия успешной коммуникации. Первое из них связано с представлением о материализации значения; содержательные контексты интерпретируются как определенные сущности, которые должны передаваться неискаженным образом от источника к реципиенту. Второе допущение связано с представлением о производном статусе соответствующего языка. Проведенные в области философии языка многочисленные исследования обеспечили нас аргументами для опровержения этих допущений и, соответственно, классической модели коммуникации. В этом контексте особенно важными для нас являются философские размышления Л. Витгенштейна о природе значения и языка, которые служат вескими доводами против традиционных и общепринятых объяснений сущности коммуникативного процесса. Л. Витгенштейн критически переосмыслил традиционное понимание взаимоотношений между значением и употреблением, а также освободился от концепции значения как внешних норм, регулирующих языковое употребление. Значение не определяет внешнее употребление, наоборот, употребление детерминирует значение. В результате значения, если их не рассматривать как конкретные сущности, оказываются в некоторой степени неустойчивыми и неопределенными. С одной стороны, языковое употребление может изменяться, тогда эти изменения ведут к изменению в значениях слов; с другой – поскольку употребление не обуславливается исключительно внешними факторами, то разумно предположить наличие в некоторой степени неопределенности значения. Отталкиваясь от витгенштейновской перспективы, становится ясным, что традиционные теории коммуникации содержат скрытое заблуждение. С точки зрения Л. Витгенштейна, возможность коммуникации зависит от общности практики. Это означает, что успех коммуникации различных сообществ или культур требует принятия нами т. н. «перспективы участника», т. е. необходимо ознакомиться с формами деятельности других человеческих групп, чтобы их понять. В отсутствии общности форм жизни понимание становится невозможным.

Ключевые слова: коммуникация; значение; Л. Витгенштейн; употребление; языковая игра; форма жизни; следование правилу; понимание.

Под коммуникацией обычно понимают процесс передачи информации или значения. Такой подход основан на интуициях здравого смысла, а также классических моделях, доминирующих в области исследования коммуникации. Примером может служить информационная теория К. Шеннона и У. Уивера, которая, несмотря на применяемое в ней математически нагруженное понятие информации, оказала заметное влияние на всю сферу изучения природы человеческой коммуникации. Модель Шеннона–Уивера (источник – сообщение – канал – получатель) способствовала триумфу классической концепции коммуникации, трактующей коммуникацию как особый процесс субъект-объектного взаимодействия: коммуникатор-источник определенным способом кодирует и передает информацию по выбранному им каналу ее получателю (реципиенту), а тот, в

свою очередь, должен расшифровать полученную информацию. В данной модели инициатором коммуникации является отправитель информации (субъект), который воздействует на получателя, выступающего в роли объекта [1, с. 199-200]. Классическая концепция коммуникации довольно легко укладывается в наши дотеоретические (прежде всего, повседневные) представления об особенностях феномена коммуникации, включающие предположения о предварительном существовании идей, значений, мыслей или информации, которые «передаются», «выражаются» или «обмениваются». Согласно этим представлениям, успех коммуникации целиком зависит от общей системы знаков, а также от синтаксических, семантических и прагматических правил их употребления.

Концепция коммуникации в виде процесса трансляции значения включает ряд, на

первый взгляд, естественных, но все же сомнительных допущений. Первое из них связано с представлением о материализации значения; содержательные контексты интерпретируются как определенные сущности, которые должны передаваться неискаженным способом от источника к реципиенту, т. е. без т. н. «информационного шума». Второе допущение связано с представлением о производном статусе соответствующего языка. Так, согласно классической модели коммуникации, язык есть просто средство или резервуар, посредством которого можно передавать необходимую информацию или хранить значимое содержание.

Однако с позиций современной философии нам не следует самоуверенно полагаться на выявленные выше допущения, позволяющие объяснить условия успешной коммуникации. Напротив, проведенные в области философии языка многочисленные и глубокие исследования обеспечили нас аргументами для опровержения этих допущений и, соответственно, классической моделью коммуникации. В этом контексте особенно важными для нас являются философские размышления Л. Витгенштейна о природе значения и языка, которые служат вескими доводами против традиционных и общепринятых обоснований сущности коммуникативного процесса.

Обращаясь к первому допущению классической модели коммуникации, следует сказать, что Л. Витгенштейн в своей поздней работе «Философские исследования» (1953) остается непреклонным в отрицании материализации значения. Он заявляет, что «значение слова – это его употребление в языке», иными словами, значение слова определяется не его связью с физической, ментальной или идеальной сущностью, а исключительно способом его употребления, той ролью, какую языковое выражение играет в контексте человеческой деятельности [2, с. 99]. Используемое Л. Витгенштейном ключевое понятие «языковая игра», интерпретируемое как «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен», четко фиксирует факт невозможности для человека постигать лингвистические значения отдельно от языкового употребления [2, с. 83]. Высказывание о том, что значение и употребление тесно взаимосвязаны, может показаться поначалу обыкновением трюизмом. Однако замысел Л. Витген-

штейна – обосновать значение слова через способы его употребления – вовсе не следует рассматривать как тривиальность, поскольку австрийский философ, по сути, критически переосмыслил традиционное понимание взаимоотношений между значением и употреблением, а также освободился от концепции значения как внешних норм, регулирующих языковое употребление. Значение не определяет внешнее употребление, наоборот, употребление детерминирует значение. В результате значения, если их не рассматривать как конкретные сущности, оказываются в некоторой степени неустойчивыми и неопределенными. С одной стороны, языковое употребление может изменяться, тогда эти изменения ведут к изменению в значениях слов; с другой – поскольку употребление не обуславливается исключительно внешними факторами, то, видимо, разумно предположить наличие в некоторой степени неопределенности значения.

Отталкиваясь от описанной винтгенштейновской перспективы, становится ясным, что традиционные теории коммуникации содержат скрытое заблуждение, т. к. в них значение рассматривается как *то*, что может быть передано (от источника к реципиенту). Традиционные теории коммуникации демонстрируют пример специфической мифологии, а именно веры в существование «тела значений» [2, с. 235], которое может передаваться в ходе коммуникативного процесса. Выражаясь языком Куайна, можно утверждать, что традиционные объяснения коммуникации являются своего рода «мифом музея, где экспонатами являются значения, а табличками – слова» [3, с. 41].

Л. Витгенштейн также опровергает второе базисное допущение классической модели коммуникации. Человеческий язык не есть просто средство для выражения уже оформленных мыслей или значений и не может быть объяснен на основе некоего более фундаментального измерения. В самом деле, базисный уровень рациональности конституируется через переплетение языка и действий. Размышления Л. Витгенштейна о природе значения и языка приводят к отрицанию традиционной концепции коммуникации. В работах Л. Витгенштейна содержатся явные ссылки на эту концепцию: «Я бы сказал: ты преувеличиваешь самоочевидность того, что человек способен о чем-то поведать кому-то.

Иначе говоря, мы так привыкли к сообщениям, передаваемым с помощью языка, речи, что нам кажется, будто вся суть сообщения состоит в том, что другой постигает смысл моих слов – т. е. нечто духовное, – как бы впускает его в свое сознание. Если же он при этом проделывает с ним и что-то еще, это не имеет отношения к непосредственной цели языка» [2, с. 198].

До сих пор мы анализировали ошибочные представления о сущности языка. Теперь необходимо представить некоторые позитивные интуиции об этом познавательном объекте, которые мы можем обнаружить в витгенштейновских рассуждениях о природе понимания и следовании правилу. Так как значение слова есть его употребление (или функция в повседневных практиках), а язык и практики являются двумя независимыми измерениями, то отсюда нельзя понять первое, полностью абстрагируясь от второго. Понимание в этом случае характеризуется как практическая способность овладевать словом в разнообразных социальных контекстах его употребления; понимать язык, утверждает Л. Витгенштейн, значит «представить некоторую форму жизни» [2, с. 86] и «владеть некой техникой» [2, с. 162].

У нас есть возможность пролить свет на феномен понимания и его практическую природу, кратко рассмотрев рассуждения Л. Витгенштейна о понятии следования правилу. Употребление языка предполагает следование правилам или определенным нормам его применения. Слово будет представляться нам как бессмысленное, без четкого разграничения между правильными и неправильными способами его употребления. Соответственно, имеется существенная взаимосвязь понятий «значение», «правило» и «понимание». Чрезвычайно сложно достичь исчерпывающей интерпретации замысловатых мыслительных ходов Л. Витгенштейна, учитывая условия насыщения и расширения современного теоретического контекста новыми идеями и предположениями. По мнению австрийского философа, в лингвистической деятельности людей присутствуют некоторые базисные элементы, которые необходимо эксплицировать для того, чтобы прояснить и понять природу человеческой коммуникации. Во-первых, невозможно объяснить связь правила и его применения без обраще-

ния к интерпретации правила. Однако всякая интерпретация может повлечь последующую интерпретацию, вызывая тем самым бесконечный регресс. Во-вторых, следование правилу не есть ментальный процесс. Фундаментальное возражение против менталистских подходов к объяснению правил основывается на том факте, что ментальные репрезентации не определяют посредством самих себя их применение, они есть просто знаки, которые требуют интерпретации. В-третьих, Л. Витгенштейн говорит, что следование правилу есть практика применения и институты [2, с. 162-163]. Этот момент является решающим, поскольку понятие практики позволяет Л. Витгенштейну сформулировать альтернативную менталистским и платонистским подходам представление о нормативности значения; основания нормативности должно быть обнаружено не во внутренней, ментальной жизни личности, не в особой идеальной сфере, а в человеческой практике. В связи с этим Л. Витгенштейн утверждает, что должно быть «такое понимание правила, которое является не *интерпретацией*, а обнаруживается в том, что мы называем «следованием правилу» и «действием вопреки» правилу в реальных случаях его применения» [2, с. 163]. Приведенная выше цитата содержит предположение, что практики и языковые употребления являются внутренне нормативными; правила имманентны практикам, а стандарты языкового употребления имманентны употреблению. Итогом витгенштейновских рассуждений о следовании правилу, по-видимому, является сформированное представление о том, что нормативность значения есть примитивный феномен, который невозможно объяснить на более фундаментальном уровне, с помощью освобожденных от норм терминов [4, р. 206].

Но что является источником постигаемой таким образом нормативности? Очевидно, что овладение практикой потребует от нас в первую очередь выполнения грубого тренировочного процесса. Это и есть та базовая структура, которая призвана объяснить нормативность практик без обращения к каким-то внешним факторам. И если это объяснение правил является корректным, тогда становится совершенно ясно, что понимание есть практическая способность. Наконец, важно подчеркнуть, что следование правилу

не есть совершенно пассивная процедура. Правила в определенной мере могут быть зависимы от индивидуальных решений. Как пишет Л. Витгенштейн, «наши правила оставляют лазейки, а практика должна говорить сама за себя» [5, с. 341]. Этот момент важен потому, что в нем акцентируется роль участников коммуникации, которую они способны играть в процессе образования значения.

Все высказанные соображения относительно объяснения значения как употребления и следования правилу, дают нам ключ к пониманию возможности и границ человеческой коммуникации. С точки зрения Л. Витгенштейна, мы можем понять тот или иной язык только на соответствующем фоне практики, иначе говоря, возможность коммуникации зависит от общности практики. Это означает, что успех коммуникации различных сообществ или «культур» требует принятия с нашей стороны т. н. «перспективы участника», т. е. необходимо ознакомиться с формами деятельности других человеческих групп для того, чтобы их понять. В отсутствие общности форм жизни понимание становится невозможным. Как говорил Л. Витгенштейн: «Умей лев говорить, мы не могли бы его понять» [2, с. 311].

Но здесь сразу же возникает вопрос: оправданно допускать существование общей основы совместных практик, обеспечивающих возможность человеческой коммуникации для всех возможных случаев коммуникации? Л. Витгенштейн, на первый взгляд, думает именно так: «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык» [2, с. 164]. Эти слова в явной форме выражают убеждение, что существуют универсальные аспекты человеческого поведения, которые гарантируют успех коммуникации. Но так ли это на самом деле? Правильно мы поняли мыслителя? Ведь Л. Витгенштейн в одной из своих работ утверждает, что «образование, совершенно отличающееся от нашего, может быть также фундаментом для совершенно иных понятий» [6]. Если так, то, может быть, нельзя понять значение отдельных незнакомых слов.

Согласно Л. Витгенштейну, существуют две базисные формы, имеющие дело с проблемами, порождаемыми отсутствием общих практик. Во-первых, мы можем положиться

на аналогию между нашими практиками и незнакомыми практиками. Во-вторых, если эти аналогии недостаточны, то можно попытаться, используя перспективу соответствующего участника, погрузиться в незнакомую культуру или форму жизни, чтобы попытаться стать «одним из них». Однако второй подход является несколько проблематичным. В работе «О достоверности» Л. Витгенштейн, к примеру, подчеркивает роль унаследованной картины мира в качестве предпосылки рациональности, которая позволяет людям общаться между собой. Но тогда трудно понять, каким образом мы можем выйти за пределы контекста нашей культуры или формы жизни, чтобы стать полноправными участниками иной культуры. Возможно, человек обращается к другой картине мира в исключительных случаях, но даже в этих редких ситуациях нам кажется неправдоподобным утверждение, что исходная картина мира способна исчезнуть у человека полностью. Таким образом, нам не следует смешивать принятие перспективы участника с пассивным процессом аккультурации. Перспектива участника должна включать в себя не только подлинную открытость по отношению к иным социальным группам, но также и критическую позицию по отношению к тем людям, с которыми мы общаемся. Кроме того, перспектива участника должна также включать критическую саморефлексию на основе тех вызовов, которые порождаются нашими мировоззрениями.

В заключение мы можем поставить вопрос относительно границ коммуникации. Коммуникация действительно имеет границы; эти границы определяются в той степени, в какой формы деятельности сопоставляемых социальных групп частично совпадают. Границы коммуникации не являются статичными, т. к. отношения взаимной открытости между партнерами по коммуникации, их стремление понять незнакомое способны, в конце концов, сломать или раздвинуть границы коммуникации. Таким образом, семантическая компетенция носителей языка не ограничивается определенной языковой игрой. Наоборот, они действуют посредством языка как целого, что позволяет им преодолевать границы их актуального языкового опыта и находить «общий язык» даже в ситуациях, когда собеседники принадлежат различным формам жизни [7, с. 631].

Таким образом, размышления Л. Витгенштейна о природе значения, понимании и следовании правилу ведут к подрыву классической модели коммуникации и значения, демонстрируя совершенно иное представление о связи коммуникации и значения. В новом подходе коммуникация предполагает необходимость принятия перспективы участника практических действий, что играет важную роль в построении значения. Мы можем отнести к классической модели коммуникации то же замечание, которое Л. Витгенштейн сделал по отношению к репрезентативной теории языка: «Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за ее пределы, ибо она заключена в нашем языке, и тот как бы нещадно повторяет ее нам» [2, с. 128]. Классическая модель коммуникации является одной из этих глубоко укоренившихся «картин», которые сбивают нас с пути.

1. *Гнатюк О.Л.* Основы теории коммуникации. М., 2012.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
3. *Куайн В.* Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.
4. *Silva R.* The possibility and limits of communication: a Wittgenstein Perspective // Philosophy of the Information Society: Papers of the 30th

International Wittgenstein Symposium. Kirchberg am Wechsel, 2007. Vol. 15.

5. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
6. *Wittgenstein L.* Zettel. Oxford, 1981.
7. *Медведев Н.В.* Проблемы коммуникации в контексте «языковых игр» // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10. № 2.

1. *Gnatyuk O.L.* Osnovy teorii kommunikatsii. M., 2012.
2. *Vitgenshteyn L.* Filosofskie issledovaniya // Vitgenshteyn L. Filosofskie raboty: v 2 ch. M., 1994. Ch. 1.
3. *Kuayn V.* Ontologicheskaya otnositel'nost' // Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsional'nost', tsnnosti v trudakh mysliteley Zapada. M., 1996.
4. *Silva R.* The possibility and limits of communication: a Wittgenstein Perspective // Philosophy of the Information Society: Papers of the 30th International Wittgenstein Symposium. Kirchberg am Wechsel, 2007. Vol. 15.
5. *Vitgenshteyn L.* O dostovernosti // Vitgenshteyn L. Filosofskie raboty: v 2 ch. M., 1994. Ch. 1.
6. *Wittgenstein L.* Zettel. Oxford, 1981.
7. *Medvedev N.V.* Problemy kommunikatsii v kontekste "yazykovykh igr" // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2004. T. 10. № 2.

Поступила в редакцию 30.10.2014 г.

UDC 316.37

NATURE OF HUMAN'S COMMUNICATION

Nikolay Vladimirovich MEDVEDEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy Department, e-mail: philosophy.tsu@mail.ru

The nature, possibilities and limits of human communication with reliance on philosophical method of the late L. Wittgenstein is considered. Critical analysis of the classical model of communication in which language is perceived as a means of information transfer or storage tank meaningful content is provided. The article refutes the basic assumptions of the classical concept of communication to explain the conditions of successful communication. The first is related to the concept of materialization values; meaningful contexts are interpreted as defining the essence to be transmitted undistorted way from the source to the recipient. The second assumption is related to the notion of derivative status corresponding language. Studies in the philosophy of language, numerous studies have provided us with arguments to refute these assumptions and, accordingly, the classical model of communication. In this context it is particularly important for us is L. Wittgenstein's philosophical reflections on the nature of meaning and language, which serve as a strong argument against the traditional and generally accepted explanation of the essence of the communicative process. L. Wittgenstein critically reinterpreted the traditional understanding of the relationship between meaning and use, and free from the concept of value as external rules governing the use of language. The value is not determined by external use; on the contrary, the use determines the value. As a result, the values if they are not regarded as a specific effect are somewhat unstable and uncertain. On the one hand, the use of language can be changed, then these changes lead to changes in the values of the words; on the other – because the use is not solely determined by external factors, it is reasonable to assume the presence of some degree of uncertainty values. Based on Wittgenstein's perspectives, it is clear that the traditional theory of communication contain latent error. From the viewpoint Wittgenstein communication capability depends on general practice. This means that the success of the communication of different communities or cultures requires us so-called "participant perspectives", i. e. should be familiar with the forms of other human groups to understand them. In the absence of community life forms understanding becomes impossible.

Key words: communication; value; L. Wittgenstein; use; language game; form of life; adherence to the rule; understanding.